

DOI 10.5862/JHSS.220.1
УДК 327

З.З. Бахтуридзе, М.Л. Лагутина

**ОРГАНИЗАЦИЯ ЗА ДЕМОКРАТИЮ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ –
ГУАМ КАК МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Процессы трансформации на постсоветском пространстве приводят к формированию различного рода интеграционных группировок. Необходим поиск интеграционной парадигмы, которая позволила бы выявить закономерность интеграционных и дезинтеграционных процессов. В статье рассмотрена история создания и развития Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ в качестве примера одной из моделей политической интеграции на постсоветском пространстве. Социально-экономические обстоятельства и желание выйти из полосы социально-экономических кризисов способствовали тому, что Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия были последовательно ориентированы на евроинтеграцию. Изучение политических трансформаций в ГУАМ представляет особый интерес в связи с возрастающей ролью данных государств в международных отношениях. Авторы приходят к выводу, что постсоветские государства по-разному проходят интеграционный путь (темпы, особенности), это и предопределило многовекторный характер интеграции.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ; ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО; ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ; ГЛОБАЛИЗАЦИЯ; ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ; ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ТРАНЗИТ.

Разновекторность развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве определяется как мирополитическими (влияние ведущих мировых держав), так и внутривекторными (в рамках постсоветского пространства) причинами. Бывшие советские республики, став независимыми государствами, были вынуждены осуществлять сложный процесс перехода (транзита) от прежней экономической и политической системы к рыночным, демократическим формам управления, оказываясь в различных зонах влияния больших интеграционных пространств (например, ЕС). Данный переход оказался достаточно болезненным для стран постсоветского пространства, что, по мнению канад-

ской исследовательницы Н. Кляйн, можно определить как стратегию, основанную на «доктрине шока» [1]. В этой связи утвердилась теоретическая позиция М. Фридмана (так называемая Чикагская школа), согласно которой социальная (личностная / общественная / цивилизационная) система наиболее подвержена воздействию со стороны иных культур в переходные периоды ее развития. Одним из таких переходных периодов развития социокультурных систем является их нынешний трансформационный транзит [См.: 2].

По мнению российского исследователя В.Г. Иванова, в транзитологическом дискурсе и анализе посткоммунистических трансформаций политики и ученые обращались к методоло-

гическим моделям и понятиям, разработанным на Западе, осмысливая во многом уникальное социальное явление — посткоммунизм с помощью в первую очередь заимствованных концептов, что было заведомо ошибочным шагом и с методологической точки зрения [3]. Иными словами, основополагающая теоретико-методологическая установка «транзитологической парадигмы», трактующая современные политические трансформации как движение от авторитарного режима к консолидированной демократии, требует серьезного переосмысления [4].

Мировое политическое развитие (понимаемое как векторное, линейное) многими стало трактоваться в парадигме «демократического транзита», в соответствии с которым всем «переходным» странам неизбежно предстоит пройти через типологически единые стадии демократизации: эрозия и распад авторитаризма, режимная либерализация, институциональная демократизация, этап неконсолидированной демократии и, наконец, демократическая консолидация. По мнению А.Ю. Мельвиля, модель демократической консолидации была призвана служить теоретико-методологическим обоснованием «выхода из неопределенности» в парадигме линейного транзита. Сам феномен современных неавторитарных трансформаций, как и вообще беспрецедентные различия в результатах режимных изменений, ставит перед политологическим сообществом фундаментальную задачу существенного концептуального обновления сложившихся представлений о политических изменениях и политическом развитии с учетом разновекторного характера современных политических трансформаций [Там же].

Обоснованно звучит высказывание российского эксперта И. Болговой, что всплески региональных интеграционных инициатив подчеркивают стремление постсоветских государств встраиваться в глобальную экономическую систему. В целом можно говорить о завершении процесса формирования более или менее устойчивой системы внешнеполитических связей стран СНГ. В первую очередь она характеризуется размыванием «постсоветского» видения границ субрегионов и растущей тенденцией роста взаимовлияния между государствами, находящимися в непосредственной политико-географической близости [5].

Этот феномен постепенно находит свое отражение на уровне экспертного анализа происходящих процессов и утверждения новых терминологических единиц. Нельзя не согласиться с И. Болговой и относительно того, что все больше применяется термин «новая Восточная Европа», приходящий на смену громоздкому «западные новые независимые государства» и демонстрирующий степень вовлеченности Украины, Белоруссии и Молдавии в европейские процессы. Новый региональный контекст на Кавказе делает очевидной невозможность замыкаться в рамках традиционной «закавказской» призмы. Анализ политико-экономических тенденций в Центральной Азии чаще включает в себя рассмотрение ситуации в Афганистане, Иране и Китае [Там же].

В этом контексте сближение интеграционной группировки стран постсоветского пространства — ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия) с Европейским союзом и перспектива появления новых организаций в поясе соседства увеличивают внутренний раскол на постсоветском пространстве, «размывают» общий формат СНГ, ставят под вопрос само существование Содружества Независимых Государств. Фактически европейский вектор интеграционных устремлений стран ГУАМ означает постепенное усиление центробежных тенденций на постсоветском пространстве.

Как отмечают российские исследователи С. Глинкина и Л. Косикова, Евросоюз уделяет большое внимание институциональной стороне сотрудничества в рамках «соседства», справедливо полагая, что сам факт наличия общих организаций стран ЕС со странами СНГ (но без России) может быть свидетельством их европейской и евроатлантической ориентации. В этом ключе следует оценивать возникновение в поясе «соседства» новых региональных структур и инициатив. Речь идет о форуме стран-соседей «Сообщество демократического выбора» (СДВ) (2005), об инициативе «Восточное партнерство» (2008), а также об учреждении нового формата для Черноморского измерения политики ЕС вместо организации ОЧЭС. В последние годы ЕС и США помогли странам ГУАМ получить международное признание — через предоставление прежнему форуму нового статуса. Лидеры стран ГУАМ подписали 23 мая 2006 года в Киеве декларацию о создании Орга-

низации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ и приняли ее устав [6]. По мнению Л. Косиковой, существуют прогнозы, что дальнейшее экономическое сближение ГУАМ с ЕС будет проходить по сценарию Вышеградской группы, т. е. по примеру стран Центрально-Восточной Европы (Польши, Венгрии, Чехии, Словакии). Это значит, что со временем ЕС заключит со странами ГУАМ договор о зоне свободной торговли (ЗСТ ГУАМ – ЕС), тем более что почти все «гуамовцы» уже стали членами ВТО (кроме Азербайджана). Во время киевского саммита 2006 года произошла последняя институционально-целевая трансформация организации. Она получила статус и функции международной региональной Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ (ОДЭР-ГУАМ) [Там же].

Именно в этот период возникает концептуальная установка руководства Украины на региональное лидерство в рамках демократического транзита и евроинтеграции, что обосновывалось успехами украинского сотрудничества с Европейским союзом. Основными внешними обязательствами Украины в этом ключе стали Стратегия евроинтеграции (1998), Договор о партнерстве и сотрудничестве между Украиной и ЕС (1998), План действий «Украина – ЕС» в рамках европейской политики соседства (2005). Укрепление евроинтеграционного направления характерно не только для Украины, но и для остальных членов ГУАМ, что связано с активной «партнерской» политикой Евросоюза. Так, например, Евросоюз выделил организации ГУАМ специальный финансовый грант (2007–2010) на сумму свыше 1,2 млрд долларов (915 млн евро). Основные средства направлены в проекты, относящиеся к энергетике и развитию транспортной инфраструктуры транзитного значения (Центральная Азия – Южный Кавказ – Европа, а также Центральная Азия – Южный Кавказ – Украина – Молдова – Европа). На саммите в Баку (2007) состоялась широкая презентация транзитных возможностей стран – членов ГУАМ под названием «ГУАМ-Транзит» [Там же].

Представляется обоснованной позиция российского исследователя А.В. Прокофьева, считающего, что волна трансформаций политических режимов постсоветского пространства серьезно повлияла на теорию демократическо-

го транзита, поставив перед научным сообществом задачу выявления общего и особенного в политических изменениях переходных стран [7]. Изучение политических трансформаций в ГУАМ представляет дополнительный интерес в связи с возрастающей ролью данных государств в международных отношениях. Как замечает Прокофьев, события последних лет продемонстрировали, что эти страны рассматриваются ключевыми международными акторами – Россией, Европейским союзом, США, а в случае с Киргизией еще и Китаем – в качестве исключительно важных составляющих для влияния на постсоветское пространство [Там же].

Таким образом, евроинтеграционный вектор на постсоветском пространстве требует своего концептуального осмысления. Если рассмотреть в целом исследования российских авторов [См.: 8] за последнее время, то можно выделить два основных положения.

Одно теоретическое положение обосновывает природу «цветных революций» и в целом стремление ряда стран постсоветского пространства (прежде всего ГУАМ) влиться в Большое интеграционное пространство Европы исключительно внешним фактором (активная политика ЕС и США). Бесспорно, что в странах ГУАМ влияние внешних сил на трансформационные процессы было существенным. В целом было разработано множество концепций, пытающихся раскрыть механизмы перехода к демократии стран постсоветского пространства. Нельзя не согласиться с российским исследователем В.Г. Ивановым, который отмечал, что лидером в этой области традиционно признается западная политическая наука, где осмысление процессов демократизации происходит на протяжении относительно длительного промежутка времени. Постепенно транзитологические теории принимают универсальный характер, что приводит к размыванию границ транзитологической парадигмы, ее идеологизации, искусственному упрощению социально-политической реальности [3].

Другое теоретическое положение характеризуется особым вниманием к происходящим процессам в контексте концепции «демократического прорыва». В результате практически сложилось представление о том, что любая страна, движущаяся от авторитарного правления, может рассматриваться как переходящая к

демократии. В этом контексте стало формироваться представление, что те страны постсоветского пространства, которые стали выбирать евровектор интеграции и дистанцироваться от России, могут в полной мере быть отнесены к демократическим. В итоге в научной политологической среде стали формироваться негативные оценки процессов демократического транзита и неких автоматических форм политической интеграции постсоветских стран в западное либеральное сообщество. Это приводит как к распространению в научно-исследовательской среде пессимизма и недоверия к существующим теориям, так и к попыткам определить «посткоммунистическое» пространство как некую «аномальную зону», в которой не действуют общие законы [9]. Одной из главных с самого начала признавалась демократическая миссия ГУАМ. После серии «цветных революций» на постсоветском пространстве эта миссия стала претендовать на доминантную роль и даже способствовала трансформации Объединения ГУАМ в Организацию за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. Именно после «цветных революций» в Грузии и на Украине ГУАМ в течение трех лет пыталась наращивать не только энергетическую, но и демократическую миссию. Как заявил на кишиневском саммите организации (2005) В. Ющенко, государства – члены ГУАМ намерены стать локомотивом «третьей волны демократических революций» на пространстве бывшего Союза. Но в роли подобного локомотива выступала отнюдь не организация ГУАМ, а ее «оранжевые» члены – Украина (Ющенко) и Грузия (Саакашвили). Коммунистическая Молдавия (Воронин) и неомонархический Азербайджан (Алиев) явно не тяготели к роли сеятелей демократии. Запад (США, ЕС, НАТО), содействовавший успеху «цветных революций» в Грузии и на Украине, избрал для Азербайджана неомонархический трансферт власти и тем самым внес позиционный раскол в реализацию демократической миссии ГУАМ. Политическая амбивалентность не позволила ГУАМ стать «Организацией Оранжевых Наций». Как тогда, так и сейчас амбивалентность сохраняется, изменился лишь состав тандемов [10].

Однако нельзя не согласиться с А.В. Прокофьевым в том, что в российском политологическом дискурсе не разработана тема институ-

туциональных причин происходящих событий. Почти нет исследований, уделяющих внимание источникам недовольства населения, что, как правило, связано со сложностями переходного периода [7]. В этой связи теоретический вопрос о политических трансформациях на постсоветском пространстве не получает однозначного ответа, т. е. проблема демократизации стоит достаточно остро. Представляется правильной точка зрения В.Г. Иванова, который пишет, что, безусловно, для развития и консолидации демократии в современных условиях необходимы определенные успехи в экономическом развитии, причем важен не столько экономический рост, сколько его тип. Тип экономического роста определяется не столько степенью государственного вмешательства в экономику, сколько типом государства и типом его отношений с обществом. Эти факторы тесно взаимосвязаны и обуславливают выбор определенной институциональной траектории общественного развития и его легитимацию [3]. В то же время, как свидетельствует исторический опыт, между уровнем экономического развития и демократизацией не существует однозначных и прямых причинно-следственных связей. Влияние экономических изменений на политические процессы осуществляется опосредованно – через определенные изменения в социальной структуре, что, в свою очередь, служит одной из предпосылок демократизации [11].

Таким образом, успех процесса демократического транзита имеет прямое отношение не столько к внешним факторам, сколько к внутренним предпосылкам, которые напрямую связаны с социально-экономическим положением населения стран-транзитеров. Именно желание выйти из полосы социально-экономических кризисов предопределило общий настрой населения стран ГУАМ на евроинтеграцию. Как отмечает А.Д. Богатуров, демократизация на постсоветском пространстве означает свободу выбора в условиях плюрализма интеграционных трендов. Борения вокруг банкротства Греции и мучительно давшееся согласие более сильных стран ЕС ей помочь показали, что правильно организованная интеграция в принципе способна быть инструментом стабилизации регионального развития. О том же свидетельствует гораздо более скромный опыт помощи со стороны России тем странам СНГ,

которые в предшествующие годы сочли нужным присоединиться к институтам преференциального экономического сотрудничества с ней на многосторонней основе [12].

Прежде всего, именно социально-экономические обстоятельства способствовали тому, что Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия были последовательно ориентированы на Запад. По мнению азербайджанского исследователя З. Гулиева, даже в рамках СНГ, куда они вошли весьма неохотно и под давлением Москвы, эта «четверка» очень часто выступала с единых позиций, в негласном блоковом формате, постоянно координировала свои шаги и фактически в мягкой форме оппонировала России. Эти страны объединяло также наличие серьезных внутренних проблем (сепаратистские конфликты в Грузии, Молдавии, Азербайджане). Кроме того, выгодное географическое расположение этих стран, обрамляющих Россию с запада и юга, изначально способствовало росту геостратегической значимости организации и облегчало реализацию задачи создания единого транспортно-энергетического коридора от Каспия до Балтики. Для полной реализации этой стратегической оси недоставало участия Беларуси, и с этой точки зрения ГУАМ и Запад не раз прилагали усилия по вовлечению в организацию этой страны. Но, как показало развитие событий, ГУАМ во многом не оправдала эти целевые ожидания [10].

В определенном смысле политическим постулатом является утверждение, что малые государства всегда находятся под геополитическим воздействием региональных лидеров. Практически вся их политика определяется тем, чью сторону они займут в спорах государств данного уровня. Как считает Н.А. Комлева, роль разменной монеты приносит малым государствам определенную выгоду: финансовые вливания, строительство промышленных объектов на их территории и обучение национальных кадров при помощи великих держав. Малые государства объединяются в союзы, что дает им некоторую степень свободы в отношении государств с более высоким геополитическим статусом. Именно такого вида примером могут служить такие геополитические союзы нашего времени, как ГУАМ, ЧБС, Вышеградская группа [13].

Геополитическая ориентация таких союзов обычно выстраивается под глобальную

или региональную сверхдержаву, от которой ждут экономических выгод и военного «зонтика», что оплачивается малыми государствами с помощью дешевой рабочей силы, размещением на территории малых государств «грязных» производств. Нельзя не согласиться с Е.В. Першиной, что относительная несамостоятельность политического поведения малых государств выражается, в частности, и в форме протекания в них трансформационных процессов. Таким образом, явное присутствие и большой объем внешнего фактора влияния на страны ГУАМ в значительной мере определяют специфику их развития, и игнорировать данное внешнее влияние при изучении проблем трансформации политических режимов в этих странах не представляется возможным. Более того, именно внешний фактор влияния является основным как в процессе формирования, так и в процессе трансформации политических режимов и в целом политических систем в странах ГУАМ [14].

В последние годы интеграционная активность ГУАМ несколько снизилась. В частности, это нашло отражение в том, что, как замечает азербайджанский аналитик З. Гулиев, начиная с 2008 года (после событий в Грузии) не было проведено ни одного саммита глав государств организации (по уставу – ежегодно) [10]. Лишь в 2011 году в Тбилиси состоялся молодежный саммит, цель которого была определена как «развитие двусторонних и многосторонних взаимоотношений молодежных субъектов, включенных в молодежную сферу, а также углубление связей и сотрудничества между странами ГУАМ» [15].

Как отмечает З. Гулиев, ни в одной своей целевой ипостаси ГУАМ не смог заявить себя как консолидированная интеграционная единица, не сумел оправдать связанные с ним блоковые ожидания. Ни в военно-политической сфере, ни в вопросах интеграции в структуры НАТО и ЕС, ни в реализации энергетической или демократической миссии, ни в разрешении внутренних конфликтов и солидарном противодействии угрозам организация ГУАМ не сумела добиться ощутимых успехов [10]. Нет единой позиции и темпа движения стран ГУАМ и в вопросе интеграции в Евросоюз. Кроме того, с появлением в 2009 году программы ЕС «Восточное партнерство» ГУАМ во многих отношениях теряет свою значимость в данном вопросе. Ведь

инициатива «Восточное партнерство», которая является новым форматом сотрудничества ЕС с восточными соседями и объединяет всех участников ГУАМ (дополнительно еще Армению и Белоруссию), становится основным мостом в направлении евроинтеграции указанных стран. И организации ГУАМ не под силу конкурировать с этой программой [10].

В июне 2011 года в Баку состоялись гражданские слушания на тему «ГУАМ: за и против». В качестве истца, критикующего перспективы развития блока государств ГУАМ и его сегодняшнюю несостоятельность, выступил З. Гулиев, в роли ответчика-оппонента – Г. Тархан-Моурави, который стремился найти аргументы в пользу деятельности ГУАМ как эффективной и перспективной альтернативной интеграционной организации. По его мнению, «для оценки действенности той или иной организации надо хорошо представлять себе геополитическую среду, в которой организация действует, и национальные цели и интересы стран-участниц. Также желательно сравнивать с эффективностью альтернативных форматов, реально существующих или гипотетических, которые могли бы решать схожие задачи» [16]. Анализируя ГУАМ в рамках данных теоретических подходов, Тархан-Моурави сформулировал ряд концептуальных позиций:

- *ГУАМ как противовес гегемонии России на постсоветском пространстве.* В период первых лет после создания организации, а также в 2005–2007 годах она помогала координировать дипломатические усилия в процессе уравнивания российского политического доминирования на территории бывшего СССР, а также привлекла значительное международное влияние и поддержку. В то время все участники ГУАМ видели свои национальные интересы именно в таком разрезе. При этом не существовало никакого альтернативного формата, в котором те же цели были бы достигнуты. Таким образом, роль ГУАМ на этом этапе можно считать весьма полезной.

- *«Ботанические революции» как фактор дезинтеграции стран ГУАМ.* После 2008 года национальные интересы стран-участниц начали расходиться, кроме немногих вопросов, связанных с энергетикой. Но и здесь ожидаемая схожесть интересов была достаточно слабой. Соответственно ГУАМ перестала соответство-

вать интересам стран, но всё еще представляла определенные возможности для достижения более ограниченных целей руководителями Украины и Грузии. В настоящий момент по-прежнему отсутствует совпадение национальных интересов стран – участниц ГУАМ, как их понимают находящиеся у власти элиты.

- *Программа ЕС «Восточное партнерство» как фактор интеграции стран ГУАМ.* В результате недавних событий и выборов Белоруссия практически выбыла из программы «Восточное партнерство» (где остались страны ГУАМ плюс Армения). Попытка подключения Армении к ГУАМ, хотя бы с наблюдательным статусом, могла бы, с одной стороны, привести к значительной синергии с программой ВП, а с другой – оживить одну из модальностей ГУАМ, направленную на способствование разрешению конфликтов.

- *Электоральные ожидания как внутри организации ГУАМ (Украина и Грузия), так и вне ее (выборы в России и США).* Может произойти смена руководства и соответственно переосмысление национальных задач. Возможны ускорение реформ и переосмысление внешнеполитического курса и в Азербайджане, а в Молдове этот процесс уже идет. Если все страны ГУАМ вновь возьмут курс на интеграцию с Западом, то не исключено, что формат ГУАМ, модифицированный в соответствии с новыми геополитическими реалиями, вновь окажется востребованным и функциональным.

- *Влияние на ГУАМ геополитической и геоэкономической среды.* Во-первых, особенно важны для будущего региона процессы в России, где наряду с позитивными тенденциями просматриваются катастрофическая демографическая ситуация, ожидаемое замедление экономического роста и неопределенность, связанная с политическим развитием страны, включая Северный Кавказ. Во-вторых, многое зависит от того, сумеет ли Евросоюз справиться со своими трудностями роста и, с одной стороны, сформулировать стратегическое видение относительно стран ВП, а с другой – скоординировать свои усилия в регионе с США.

- *Важнейшая потенциальная функция ГУАМ – это координация евроатлантической интеграции.* Международные организации, однажды созданные, способны довольно долго существовать по инерции, в ожидании своего часа,

который может так никогда и не наступить, но может и неожиданно сделать организацию нужной и востребованной. Для этого важно понимать потенциальные возможности, которые содержит тот или иной формат. Хотя сейчас ГУАМ потеряла острую актуальность, представляется достаточно реальной ее востребованность в более отдаленной перспективе. Однако, для того чтобы вновь наполнить ГУАМ содержанием, важно, с одной стороны, переосмыслить национальные задачи и интересы стран-участниц, а с другой – искать новые идеи и форматы, которые могли бы наполнить ГУАМ новым содержанием [16].

Грузия была одной из основательниц организации ГУАМ, а с 1 января 2013 года председательствовала в ней. Руководители Грузии, как и лидеры других стран – членов организации, указывали, что причиной создания организации были общие интересы этих государств: заинтересованность в транспортировке каспийской нефти в Европу, в развитии транспортного коридора Европа – Азия. В основу создания Объединения ГУАМ было положено намерение стран ГУАМ разработать новые действенные механизмы кооперации, восстановить в значительной мере ослабленные экономические связи, укрепить климат дружеских взаимоотношений и направить их на гармонизацию процессов экономического развития на пространстве бывшего Советского Союза [17].

Другой важной целью Объединения, как отмечали его лидеры, было сотрудничество в деле урегулирования конфликтов. Для Грузии действительно важной проблемой стали абхазский и осетинский конфликты. В Азербайджане болезненным и не находящим решения является карабахский конфликт. Нерешенность проблемы левобережного Приднестровья осложняет экономическую и политическую ситуацию в Молдавии. События на востоке Украины в 2014 году показали, что вполне оправданны были опасения относительно возникновения конфликтов сепаратистского характера. Поэтому Киев твердо поддерживал позицию Азербайджана, Молдавии, Грузии по проблемам, связанным с имеющимися там конфликтами.

Генеральный секретарь ГУАМ В. Чечелашвили в одном из своих интервью отметил, что задачей, которая стоит перед странами, вошедшими в эту организацию, являются развитие

четырёхстороннего сотрудничества и формирование цивилизованного партнерства в Черноморско-Каспийском регионе и что в основе этого партнерства лежат европейские ценности.

Согласно статье 1 устава ГУАМ, основными целями организации являются:

- утверждение демократических ценностей, обеспечение верховенства права и уважения прав человека;
- обеспечение устойчивого развития;
- укрепление международной и региональной безопасности и стабильности;
- углубление европейской интеграции для создания общего пространства безопасности, а также расширение экономического и гуманитарного сотрудничества;
- развитие социально-экономического, транспортного, энергетического, научно-технического и гуманитарного потенциала Сторон;
- активизация политического взаимодействия и практического сотрудничества в сферах, представляющих взаимный интерес [18].

На практике же весьма активно осуществлялось сотрудничество в деле организации транспортировки нефти на Запад и в развитии автомобильного и железнодорожного транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия. Взаимодействие в двух указанных вопросах предполагало политическое и военное сближение Грузии с остальными членами ГУАМ.

Одной из главных задач ГУАМ в 2013 году, в период председательства Грузии, было внесение на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН документа, основывающегося в первую очередь на принципе территориальной целостности, – резолюции о затянувшихся конфликтах на территории стран – членов ГУАМ. По мнению В. Чечелашвили, эта задача была решена, а сейчас организация пытается «привлечь как можно больше союзников в поддержку этого документа». То есть целью официального Тбилиси был поиск помощников в деле решения абхазской и юго-осетинской ситуации, а для этого предполагалось «максимально „интернационализировать” проблему территориальной целостности Грузии, апеллируя (в данном конкретном случае) к принципу главенства идеи государственного суверенитета над идеей национального самоопределения» [19, с. 431].

Как верно отмечает российский исследователь В. Дегоев, «изначально ГУАМ была де-

кларирована как интеграционная структура для реализации экономических и коммуникационных проектов в рамках идеи связать Европу, Кавказ и Азию транспортной магистралью», но даже в таком, «казалось бы, безобидном качестве ГУАМ вызвала у Кремля настороженность» [19, с. 425].

Продолжая рассуждать на эту тему, Дегоев совершенно справедливо заявляет: «Руководители Грузии, Азербайджана и Украины во многом оказались заложниками запутанной постсоветской ситуации» и имели полное право искать выход из нее самостоятельно в условиях, «когда Россия сама не знала, что делать», и отпугивала «своей неспособностью предложить варианты коллективного выживания в экономической, военно-политической, идеологической и культурной областях. Своей неготовностью к подлинно демократическому партнерству в рамках СНГ. Своей несбалансированной внешней политикой и невразумительной внутренней» [Там же. С. 427]. Логичным и вполне объективным представляется и вывод, сделанный Дегоевым: «Строго говоря, государства – основатели ГУАМ объединились не против России, а во имя собственного спасения» [Там же].

В интервью «Deutsche Welle» В. Чечелашвили, отвечая на вопрос, не идет ли членство Грузии в ГУАМ вразрез с новой политикой правительства Иванишвили (стремление нормализовать отношения с Россией), отметил: «У трех других государств – членов ГУАМ хорошие отношения с Россией и одновременно внешнеполитический курс на европейскую интеграцию. Это важно и для Грузии. Думаю, хорошие отношения с Россией не зависят от активности Грузии в ГУАМ. Кроме того, мне непонятно, как зона свободной торговли ГУАМ или совместная борьба с оргпреступностью могут конфликтовать с интересами третьих государств» [20].

В ответ на вопрос о частой критике ГУАМ как бесперспективной, нежизнеспособной организации он заявил, что «эта критика – результат больших ожиданий от организации», состоящей всего лишь из четырех государств. При этом некоторые задачи отчасти выполнены. «Успешно работает зона свободной торговли. В 2012 году коллективный товарооборот ГУАМ составил 4,5 млрд долларов, что в 3 раза больше показателя за 2006 год, когда была создана зона. 20 процентов всего внешне-

торгового оборота Грузии приходится на зону ГУАМ» [Там же].

В 2013 году, рассуждая о перспективах работы, Чечелашвили акцентировал внимание на том, что один из приоритетных проектов в вопросе энергетической независимости – поставка сжиженного газа из Азербайджана через Грузию на Украину и в Молдову. Здесь ГУАМ рассчитывает на помощь внешних партнеров, в том числе Японии, где в 2012 году состоялся первый энергетический семинар для ее специалистов. В феврале 2013 года в Тбилиси прошло 8-е заседание Рабочей группы ГУАМ на уровне руководителей ведомств государств – членов ГУАМ по транспорту с участием Секретариата ГУАМ. Участники заседания утвердили Концепцию развития транспортного коридора ГУАМ [21]. Реализация положений этой концепции предусматривала сближение и интеграцию национальных экономик стран ГУАМ, направленных в конечном счете на создание зоны свободной торговли и дальнейшее развитие экономического пространства, развитие сотрудничества в области транспорта, которое является необходимым условием для формирования такого пространства. В связи со снижением транспортных затрат повысится конкурентоспособность коридора ГУАМ, тем самым вклад транспорта в решение экономических проблем будет способствовать укреплению единства стран ГУАМ.

Наряду с этими оптимистичными ожиданиями также вполне оправданны, на наш взгляд, высказанные еще 2001 году опасения относительно направления, которое может принять политика Грузии, Азербайджана и Украины, «если будет неуклонно расти их зависимость от Запада – куда более могущественного и амбициозного претендента на роль распорядителя советским имперским наследством» [19, с. 427–428].

Таким образом, теоретическое моделирование интеграционных процессов на постсоветском пространстве, в частности на примере ГУАМ, требует серьезных аналитических и методологических проработок вопроса о многовекторности интеграционных форм на постсоветском пространстве. Представленный аналитический материал свидетельствует о том, что теоретически многовекторность приемлема для средних по величине государств, которые и входят в состав ГУАМ, поскольку при усло-

вии сознательного и четкого балансирования эта политика позволяет реагировать на изменения в глобальной игре больших государств. Однако многовекторность в практическом исполнении приводит к непоследовательному внешнеполитическому курсу, что, в частности, продемонстрировано политикой Украины и Грузии. В этой связи теоретический вопрос о политической интеграции на постсоветском пространстве не получает однозначного ответа, так как постсоветские государства проходят интеграционный путь по-разному (темпы, особенности). Постсоветское пространство демонстрирует разнообразие ключевых факторов, предопределивших многовекторный характер интеграции, обусловленный, с одной стороны, внутренними расхождениями национальных интересов, а с другой – внешними ориентирами и связанными с ними внешними обстоятельствами.

Отсутствие универсальной интеграционной парадигмы, которая позволила бы концептуализировать и прогнозировать последовательность и закономерность интеграционных и дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, создает определенные трудности в теоретическом анализе конкретных траекторий интеграционных изменений как на Большом пространстве Евразии, так и на ее отдельных больших пространствах (в частности, Большом постсоветском пространстве).

С методологической точки зрения сравнение различных вариантов движения постсоветских государств в направлении тех или иных форм интеграции (конфедеративных, евразийских или проевропейских) предполагает выявление общего и особенного в многообразии реальных политико-экономических интеграционно-дезинтеграционных многовекторных трансформаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Klein N. The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. Metropolitan Books, N. Y., 2007. 558 p.
2. Доктрина шока и демократизация постсоветского пространства. URL: <http://www.win.ru/ideas/5335.shtml> (дата обращения: 03.01.2014).
3. Иванов В.Г. Кризис на пути или кризис пути? Перспективы демократического транзита на постсоветском пространстве // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер. Политология. 2006. № 7. С. 5–11.
4. Мельвил А.Ю. Демократические транзиты // Политология: лексикон / под ред. А.И. Соловьева. М.: РОССПЭН, 2007. С. 123–134.
5. Болгова И. Параметры политической стабильности в поясе СНГ // Междунар. процессы. 2010. Т. 8. № 3 (24). Сентябрь – декабрь.
6. Глинкина С., Косикова Л. Европейская политика соседства в странах СНГ: новые тенденции и вызовы для России. URL: <http://analyticmsz.ru/?p=30> (дата обращения: 03.01.2014).
7. Прокофьев А.В. Трансформация политических режимов Грузии, Киргизии и Украины: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Казань, 2009.
8. Либман А. «Вторая трансформация» в постсоветских странах // Обществ. науки и современность. 2007. № 3. С. 5–17; Дегтярь Л. Социальная составляющая трансформационных процессов в постсоветских государствах // Россия и соврем. мир. 2005. № 3. С. 128–144; Григорьев Л. Виражи переходного периода // Россия в глобальной политике. 2006. № 6. С. 102–117.
9. Пантин В. Сможет ли российская наука понять, что происходит в России? // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 2.
10. Гулиев З. От аббревиатуры ГУАМ может остаться только «Г». URL: http://www.newsab.ru/politics/id_288297/ (дата обращения: 03.01.2014).
11. Мадатов А. Демократия: сущность и методологические проблемы исследования. М.: Уникум-Центр, 2000.
12. Богатуров А.Д. Шанс для новой парадигмы в мировой политике. URL: <http://www.ng.ru/printed/241301> (дата обращения: 03.01.2014).
13. Комлева Н.А. Лимитроф как геополитическая технология // Изв. Урал. гос. у-та. 2010. № 3 (78).
14. Першина Е.В. Внешний фактор трансформации тоталитарных режимов: на примере стран Восточной Европы. URL: <http://www.dslib.net/polit-instituty/perschina.html> (дата обращения: 03.01.2014).
15. Саммит ГУАМ в Тбилиси. URL: http://gu.saqinform.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=3854:2011-05-02-09-16-18&catid=78:politika2&Itemid=419 (дата обращения: 03.01.2014).
16. Тархан-Моурави Г. ГУАМ: за и против. Экспертная оценка. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/10613/> (дата обращения: 03.01.2014).
17. История ГУАМ. URL: <http://guam-organization.org/node/242> (дата обращения: 03.01.2014).

18. **Устав** Организации за демократию и экономическое развитие – ГУАМ. URL: <http://guam-organization.org/node/449> (дата обращения: 03.01.2014).

19. **Дегоев В.** Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Рус. панорама, 2001.

20. **Генеральный** секретарь ГУАМ г-н Валери Чечелашвили дал интервью «Deutsche Welle». URL: <http://guam-organization.org/node/1420> (дата обращения: 03.01.2014).

21. **Концепция** развития транспортного коридора ГУАМ. URL: <http://www.guam-organization.org/attach/conceptru.pdf> (дата обращения: 03.01.2014).

БАХТУРИДЗЕ Зейнаб Зелимхановна – кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Института специальной педагогики и психологии.

Россия, 194356, Санкт-Петербург, ул. Большая Озерная, 92
e-mail: zeinabb1000@mail.ru

ЛАГУТИНА Мария Львовна – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета кино и телевидения.

Россия, 191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13
e-mail: manipol@mail.ru

Z.Z. Bakhturidze, M.L. Lagutina

ORGANIZATION FOR DEMOCRACY AND ECONOMIC DEVELOPMENT – GUAM AS A MODEL OF POLITICAL INTEGRATION IN THE POST-SOVIET SPACE

Transformation processes in the post-Soviet space lead to the formation of different integration groupings. The authors are convinced of the necessity to search out the integration paradigm, which would allow identifying the pattern of integration and disintegration processes in the post-Soviet space. The article discusses the history and development of the Organization for Democracy and Economic Development – GUAM, which exemplifies one of the models of political integration in the post-Soviet space. Socio-economic circumstances and the desire to overcome a number of socio-economic crises contributed to the fact that Georgia, Ukraine, Azerbaijan and Moldova have consistently focused on the European integration. The study of political transformations in GUAM is of particular interest in the view of an increasing role of these States in the international relations. The author has come to the conclusion that the post-Soviet States are going through the integration way at a different pace and with different features, which determines the nature of multi-directional integrations.

INTEGRATION PROCESSES; POST-SOVIET SPACE; FOREIGN POLICY STRATEGY; GLOBALIZATION; EUROPEAN INTEGRATION; DEMOCRATIC TRANSITION.

REFERENCES

1. Klein N. The Shock Doctrine: The Rise of Disaster Capitalism. Metropolitan Books, New York, USA, 2007. 558 p.
2. Doktrina shoka i demokratizatsiya postsovetskogo prostranstva. Available at: <http://www.win.ru/ideas/5335.phtml> (accessed 03.01.2014).
3. Ivanov V.G. Krizis na puti ili krizis puti? Perspektivy demokraticeskogo tranzita na postsovetskom prostranstve. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Politologiya*, 2006, no. 7, pp. 5–11. (In Russ.)
4. Melvil A.Yu. Demokraticheskiye tranzity. *Politologiya: Leksikon*. Moscow, ROSSPEN Publ. 2007. Pp. 123–134. (In Russ.)
5. Bolgova I. Parametry politicheskoy stabil'nosti v poyase SNG. *Mezhdunarodnyye protsessy*, 2010, vol. 8, no. 3 (24). Available at: <http://www.intertrends.ru/twenty-four/009.htm> (accessed 03.01.2014).
6. Glinkina S., Kosikova L. Yevropeyskaya politika sosedstva v stranakh SNG: novyye tendentsii i vyzovy dlya Rossii. Available at: <http://analyticmsz.ru/?p=30> (accessed 03.01.2014).
7. Prokofyev A.V. Transformatsiya politicheskikh rezhimov Gruzii, Kirgizii i Ukrainy. Abstr. cand. diss. Kazan, 2009. Available at: http://www.dissercat.com/content/transformatsii-politicheskikh-rezhimov-gruzii-kirgizii-i-ukrainy?_openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZTThZDE7 (accessed 03.01.2014).
8. Libman A. "Vtoraya transformatsiya" v postsovetskikh stranakh. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2007, no. 3, pp. 5–17 (In Russ.); Degtyar L. Sotsialnaya sostavlyayushchaya transformatsionnykh protsessov v postsovetskikh gosudarstvakh. *Rossiya i sovremennyy mir*, 2005, no. 3, pp. 128–144 (In Russ.); Grigoryev L. Virazhi perekhodnogo perioda. *Rossiya v global'noy politike*, 2006, no. 6, pp. 102–117. (In Russ.)
9. Pantin V. Smozhet li rossiyskaya nauka ponyat', chto proiskhodit v Rossii? *Pro et Contra*, 2000, vol. 5, no. 2. (In Russ.)
10. Guliyev Z. Ot abbreviatury GUAM mozhet ostat'sya tol'ko "G". Available at: http://www.newsab.ru/politics/id_288297/ (accessed 03.01.2014).
11. Madatov A. Demokratiya: sushchnost' i metodologicheskiye problemy issledovaniya. Moscow, Unikum-Tsentr Publ., 2000. (In Russ.)
12. Bogaturov A.D. Shans dlya novoy paradigmy v mirovoy politike. Available at: <http://www.ng.ru/printed/241301> (accessed 03.01.2014).
13. Komleva N.A. Limitrof kak geopoliticheskaya tekhnologiya. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 3 (78). (In Russ.)
14. Pershina Ye.V. Vneshniy faktor transformatsii totalitarnykh rezhimov: na primere stran Vostochnoy Yevropy. Available at: <http://www.dslib.net/polit-instituty/perschina.html> (accessed 03.01.2014).
15. Sammit GUAM v Tbilisi. Available at: http://ru.saqinform.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=3854:2011-05-02-09-16-18&catid=78:politika2&Itemid=419 (accessed 03.01.2014).
16. Tarkhan-Mouravi G. GUAM: za i protiv. Ekspertnaya otsenka. Available at: <http://www.ia-centr.ru/expert/10613/> (accessed 03.01.2014).
17. Istoriya GUAM. Available at: <http://guam-organization.org/node/242> (accessed 03.01.2014).
18. Ustav Organizatsii za demokratiyu i ekonomicheskoye razvitiye – GUAM. Available at: <http://guam-organization.org/node/449> (accessed 03.01.2014).
19. Degoyev V. Bol'shaya igra na Kavkaze: istoriya i sovremennost'. Moscow, Russkaya panorama Publ., 2001.
20. Generalnyy sekretar' GUAM g-n Valeri Chechelashvili dal intervyyu "Deutsche Welle". Available at: <http://guam-organization.org/node/1420> (accessed 03.01.2014).
21. Kontseptsiya razvitiya transportnogo koridora GUAM. Available at: <http://www.guam-organization.org/attach/conceptru.pdf> (accessed 03.01.2014).

BAKHTURIDZE Zeynab Z. – *Private institution of higher education "Institute of Special Pedagogy and Psychology"*.

Bol'shaya Ozernaya ul., 92, St. Petersburg, 194356, Russia
e-mail: zeinabb1000@mail.ru

LAGUTINA Mariya L. – *St. Petersburg State University of Film and Television.*

Ul. Pravdy, 13, St. Petersburg, 191119, Russia
e-mail: manipol@mail.ru